

Лицемеры

Автор:

[Андрей Но](#)

Лицемеры

Андрей Но

Дик Дейл, художник-иллюстратор в мелком издательстве знакомится с хакером, бывшим агентом ЦРУ по имени Чип, который путем манипуляций с современной техникой способен вытворять невозможное. Хакера не интересуют ни деньги, ни политические игры, ни борьба с преступностью, однако есть то, что объединяет его с Диком – патологическая ненависть к лицемерию, которому они объявляют радикальную борьбу по вечерам.

Андрей Но

Лицемеры

Глава 1. Правила хорошего тона

Если вы спросите меня, что сокрыто в сейфе на базе Пентагона на глубине нескольких сотен ярдов под землей в окружении толстых стен из легированной стали, способных выдержать прямое попадание баллистической ракеты, то я отвечу вам, что не знаю. Должно быть, что-то секретное.

Но если вы решитесь уточнить, по зубам ли мне выяснить, что же это за такой секрет, то я заверю, что вполне, пока мои зубы целы, но если даже они и треснут, и сотрутся в порошок о грунт, который я буду грызть, продираясь к сейфу, у меня все еще будут ногти, пальцы, да что угодно...

До тех пор, пока мне известно местоположение этого секрета, и покуда я осведомлен о сорте стали, которым он обнесен, который рано или поздно смогу прогрызть, я не заподозрю вас в издевке. Другое дело, если я задам встречный вопрос – а не утомила ли кого моя болтовня? Конечно, правила этикета не позволят вам в этом признаться, а может, все дело в страхе меня огорчить... Кто ведь знает, как я на это отреагирую, никому ведь не нужны последствия, не так ли? Проще сказать то, что от тебя желают слышать. И только не надо говорить, что это не про вас. Почем мне знать? В этом-то и загвоздка.

Так вот, если вы спросите, могу ли я взломать сейф, обнесенный трехъярдовыми стенами из легированной стали ради того, чтоб выяснить, что же в нем заключено, то я отвечу – это левое дело, покуда секрет в нем я могу ощупать или прочесть и знаю точно, где он находится. Ну а выяснить, является ли ваш вопрос издевкой, мне уже не по силам, пока есть хоть малейшая вероятность, что это не так.

И что бы вы мне не втирали, насколько бы прозрачным все не казалось, я все равно до последнего буду допускать, что это пыль в глаза, а правда в голове, непостижимая и неопределенная, как шерстяной черт Шредингера. Ее не существует, и оттого, что вы ее озвучите, она не станет убедительней. Невыносимо ли так жить? Я скажу так – смотря чего вы ждете. Не надо ничего ждать. Все врут, и про это не стоит забывать ни на секунду. И следите всегда за направлением взгляда. Нет, не глаз, это я в общем. Я про нечто очевидное.

Следите, например, за тем, где человек стоит. Если возле вас, значит, ему что-то от вас нужно. Даже если речь идет об очереди на кассу. Задайтесь вопросом, почему именно он и почему именно возле вас? Но если вам проще продолжить ссылаться на случайность, то больше не стоит жаловаться на ту несуразицу, что обрушивается на вашу жизнь...

Дик отвлекся от компьютера и повернулся на шум. Руперт, Шон, Олдли, его коллеги и Боб Куэй, директор издательства Большой дом Куэй не были на себя похожи. Впрочем, Дик сомневался, что и до этого они были самими собой, а не выделялись друг перед другом, но сейчас фальшь в их поведении была

особенно заметна. Олдли таки соизволил сдвинуться со своим необъятным пузом в сторону, и Дик наконец понял, в чем дело.

– ...А здесь у нас кулер, – похвастался Боб молодой девушке, – о, а это Дик. Дик, ты чего там спрятался, сидишь? Знакомься, наш новый бухгалтер, Жаклин. – Девушка приветливо улыбнулась Дику. – Жаклин, это Дик – наш художник.

Дик не ответил девушке ни любезным кивком, ни встречной улыбкой, ни словом. Он просто смотрел на нее какое-то время без выражения, затем снова уткнулся в монитор. Шон хмыкнул.

– Художники, – пробормотал он, будто оправдываясь перед Жаклин.

– Я все слышу, Голдлесс, – не отрывая глаз от монитора, отозвался Дик.

– А я разве сказал что-то плохое? – повернулся к нему Шон. Высокий парень с пронзительными глазами был здесь менеджером по внешним связям и маркетингу, соответственно, для него ничего не стоило бесконечно говорить с другими людьми и проявлять чудовищную настырность. Дик же наоборот всегда боялся, что его в ней заподозрят, потому на разговор шел с трудом.

– Много о чем можно сказать, даже не раскрыв рта, – ответил Дик. – Это я как художник говорю.

Шон закатил глаза.

– А ты... умеешь себя э-э... подать. Это я как маркетолог говорю.

– Избавь меня от своего сарказма.

– Не, я серьезно...

– Голдлесс! Дейл! – прервал их Боб. – Ну что вы в самом деле? Не с той ноги сегодня встали? А так они у нас веселые ребята, – заверил он смутившуюся Жаклин. – Здесь печатный станок и Руперт им заведует... А это владения старины Олдли, нашего редактора, и боже упаси, если занесешь в них грязь и беспорядок, тогда он...

– ...Все расставит по своим местам, как было, а грязь вытрет, – вынужденно рассмеялся Олдли, хватаясь за ремень на пузе. – Зачем запугиваешь дитя, Боб. Если грязь не занести, она все равно сама появится. Так что ходи тут, сколько влезет, – успокоил он девушку, – да даже если и все тут перевернешь вверх дном, мне лишний раз подвигаться не помешает, полезно будет...

Боб шутливо ткнул редактора в пузо.

– А чего это ты к нам такого снисхождения не проявляешь, Олдли? Все слышали, ребят? Отныне мы все дружно должны заботиться о нашем старике и не слушать его ворчание. Для его же пользы.

Коллеги посмеялись. Шон снова повернулся к притихшему Дику.

– Все слышали, Дик?

У Дика сжался желудок. Он не оставит меня в покое, пока не выставит жалким идиотом перед новенькой.

– Нет, не все. Линды нет на месте.

– Линда наш корректор, в силу ее проблем...э-э... здоровья, она работает в основном, дистанционно, – пояснил Боб девушке. – А еще нет на месте Эммануэля Тоула, креатив-менеджера, мы его зовем просто Эмом, вот его стол...

– Достаточно креативно с его стороны, – оценил Шон, – отсутствовать на рабочем месте.

Все рассмеялись, даже у Дика дрогнули губы.

– Странно, что такому обычному человеку, как мне, не приходят в голову такие необычные идеи, – не останавливался Шон, поглядывая на все еще посмеивающуюся Жаклин, – тут нужен творческий склад ума. Дик, у тебя такой, ведь ты же у нас художник... Что думаешь?

– Что я думаю по поводу чего?

– Ну вот, про что я говорил, – взмахнул рукой Шон. – Дик вроде здесь, но на деле его тоже будто нет на месте.

В этот раз никто не рассмеялся, разве что Олдли и Руперт ограничились вялыми, неудобными смешками. Боб же устал притворяться, что ничего не замечает.

– Шон...

– Я на месте, – сказал Дик. Он неохотно развернулся на своем кресле ко всем. – А вот ты, Голдлесс, как раз таки не на своем. Твой отдел вон в той каморке...

– Ребята... – начал Боб, но Шон приобнял его за плечо.

– Да, мой отдел в соседнем кабинете, – пронырливые глаза с недобрим азартом впились в Дика. – Но если ты не заметил, Дейл, у нас новый сотрудник и я, как и все в нашем дружном коллективе, за исключением тебя, следую правилам хорошего тона, а вот ты ведешь...

– А я веду себя, как и всегда, – уверенно перебил его Дик. – Не изображать того, кем не являешься – чем тебе не правило хорошего тона?

– У художников на все свое собственное виденье... – подмигнул Шон коллегам, но те отворачивались, не желая вступать в их диалог.

– На что ты надеешься? – прямо спросил Дик. – Что я сейчас потеряюсь от твоих вшивых колкостей, и новенькая тут же узнает, кто тут у нас самый главный самец?

Старик Олдли неслышно охнул, а в лицо девушки бросилась кровь. Шон брезгливо поморщился.

– У-у... понятно теперь, что за мысли крутятся в голове нашего молчаливого Дика.

– А с каких пор тебе стало дело до моих мыслей? Где ты был вчера? Или позавчера? Месяц назад? Отчего разговорился со мной именно сейчас?

– Да никто с тобой не разговаривает, успокойся уже, продолжай рисовать свою обложку...

– Я бы рад вернуться к рисованию обложки, Голдлесс, но прежде дорисую общую картину, что неверным образом складывается в глазах новенькой, – сказал Дик, глядя на девушку, что уже, судя по ее виду, мечтала провалиться сквозь землю.

– Чем это ты там собрался ее дорисовывать? – пренебрежительно поинтересовался Шон.

Коленка Дика дрогнула было встать, но он вовремя остановился. Рост у него был ниже среднего, и Дик никогда об этом не забывал. К чему этот дешевый вестерн, где он подойдет к Шону вплотную, и они начнут пилить друг друга взглядами? А уж с учетом их разницы в росте это и вовсе будет жалким зрелищем, не в его пользу. Дик забросил руки за голову и откинулся на спинку кресла сильнее.

– Фактами, чем же еще... А ты? На что еще пойдешь, чтобы доказать, кто здесь главный самец?

Менеджер усмехнулся.

– А чего мне доказывать, это и так...

– Seriously, Шон? – перебил Дик. – Уверен, что хочешь договаривать? Тут начальник твой рядом стоит...

Напрягшиеся до предела коллеги нервно рассмеялись. Рот менеджера по внешним связям и маркетингу тоже свело кривой улыбкой.

– Это я и хотел сказать, умник...

– Голдлесс, – отсмеявшийся Боб шлепнул Шона по плечу, – ты сегодня прям в бой рвешься, читатели не смогут отбиться. К завтрашнему дню те две партии, про которые я утром говорил, уже должны быть пущены в оборот, иначе прогорим. Так что я в тебя верю. Дейл, – Боб глянул на работу Дика, – почему ты все еще возишься с этой обложкой?

– Ты же и сам знаешь, подогнать цветовой баланс под эту старушенцию, – Дик кивнул на печатный станок, – талант нужен. Никто ведь не обрадуется, если придется перерисовывать весь макет.

– Да, – признал Боб, – но я же вижу, что ты сейчас не калибровкой занят... Я, конечно, всегда приветствую твой творческий настрой, но эта обложка ведь не в Лувр пойдет, так? Чего ты так возишься с ее ртом, – директор ткнул пальцем в экран, – оставь как есть. Вторую Мону Лизу хочешь заделать, я не пойму?

– Так запрос непростой. Автор желает, чтобы у героя на обложке была, как он выразился, полуулыбка, что сочетала бы в себе недовольство, грусть и скрытое превосходство одновременно. Я клянусь, так и запросил, – поклялся Дик, заметив, как округлились глаза его начальника.

– Так это еще и герой, а не героиня...

– Да, волосы он попросил сделать на женский манер, чтоб передать неоднозначность персонажа...

– Оставь как есть, – отрезал Боб. – Он еще не то попросит, а все равно останется недовольным, сам же знаешь. Будем так заморачиваться над каждым их заскоком, прогорим.

Они ведь платят за то, чтобы мы воплощали их заскоки, – подумал Дик, но промолчал. Под удовлетворительный кивок Боба, он сохранил проект и поставил на обработку, а сам до хруста прогнулся в спине. Руперт разводил себе кофе, а Олдли все еще любезничал с новенькой. Дик украдкой поглядывал на нее.

Да, таким, как она, жилось непросто. Ни на что, кроме дешевых представлений в ее присутствии, она больше рассчитывать не могла. Правда всегда будет обходить ее за милю.

Дик с некоторым стыдом признал себе, что и сам не был с ней достаточно правдив, не оплатив ей ни центом своего внимания. Но уж лучше так, чем маскировать свое шевеление в трусах радушием, обходительностью и гостеприимством, как это сделали его коллеги. И псевдомаскулинностью, как это сделал Шон. Настырный и болтливый, но в общем-то неконфликтный парень, не был ранее замечен за попыткой кого-то уязвить. А тут будто голову потерял.

На что он вообще надеялся...

И эта Жаклин была бы глупа, если бы не понимала всего этого маскарада в ее честь, но ведь ей же здесь еще работать. Так что какое-то время она будет вынуждена им всем подыгрывать, а дальше уже как себя зарекомендует. Или смотря какой пост займет. Тем, кто располагает хоть какой-то властью, вообще не надо притворяться и подыгрывать, они могут получать необходимое и без улыбки. Но от лжи вокруг это все равно не спасет.

Дик задумался, какая бы у него была жизнь, располагай он властью. Будь он, скажем, президентом, лжи вокруг было бы столько, что нечем было бы дышать. И долго бы он так протянул, без воздуха? Это ему еще повезло, что он художник в мелком издательстве. Мужчина ростом ниже среднего. Имущества как такового нет. Нет связей. Нет идей как здорово провести время. И добрых слов у него тоже нет, ведь он предпочитает правду. У него нечего брать и только благодаря этому у него больше шансов, чем у Жаклин или у президента застать нечто откровенное.

Но больше не значит, что много. Шансы по-прежнему у всех примерно околонулевые, ведь человек не снимает маски даже дома, даже перед сном, ему снится не то, кем он является, а только кем он хочет или боится быть.

Успокаивало одно. Все врут одинаково. Так что дьявола лучше искать там, где и сам бы его припрятал. Но известно это почему-то далеко не всем...

Губы Дика тронула мрачная, торжественная улыбка. На давно погасшем от неактивности экране отразился его смутный лик. Поглядев на себя некоторое время, художник снова зашел в графический редактор, открыл недавно сохраненный проект и стал переделывать обложку. Заказчик явно знал, о чем просил...

* * *

Не буду скрывать, эта ситуация с Шоном и новенькой выбила меня из колеи, и я совсем забыл представить своих коллег и место, где работаю, должным образом. Начну издавека. Большой дом Куэй был далеко не тем, чем себя позиционировал.

На словах мы давали шанс недооцененным писателям, от которых отвернулись эти продажные, прогнившие, думающие только о деньгах традиционные книжные издательства. Мы давали им возможность вырваться в люди, на прилавки и снискать уважение и заслуженную популярность за свои великие труды.

На деле же мы паразитировали на чужой мечте и мании величия. Хочешь с умным видом прийти в магазин и сфотографироваться на фоне книжек с твоим именем? Не вопрос. Вот тебе счет.

На бумагу, на клей, на верстку и чернила. В чек также входят старания внештатного корректора Линды, чтобы никто вдруг не узнал, что ты путаешь времена глаголов, а еще в него включен громкий смех редактора Олдли, который пытался придать огромной и бессмысленной куче твоего дерьмового текста хоть какую-то геометрическую форму. Поверь, без этого тебя попросту не станут покупать.

Но подумай еще вот о чем. Читатель не видит текст, не раскрыв книги. Как же он тогда ее заметит? Только в этом месяце – обязательно уточнить в каком именно – у нас действует скидка на услугу иллюстратора, что намалюет все, что тебе взбредет на ум, и тогда уж мимо твоего детища точно никто не пройдет...

А еще тебе стоит прислушаться к стратегу Шону, так как он на этом рынке, несмотря на молодой возраст, очень давно, и заказать дополнительно с дюжину экземпляров с твердым переплетом, что войдут в ассортимент на ежесезонной ярмарке книг. Там твои шансы стать преемником Стивена Кинга серьезно возрастут.

А сам Боб, основатель этой конторы, тебе по секрету скажет, что не сам текст делает книгу бестселлером, а исключительно его реклама. Гения не существует, а за любым успехом стоит упорный труд. Ну то есть упорные вложения в раскрутку. Можно и по чуть-чуть, если денег нет... Главное, не стоять на месте.

Не стоять на месте. Эту присказку Боб распространял и на материал, из которого мы изготавливали книги, ведь он был уцененным и просроченным, и стояние на месте тем же чернилам на пользу совсем не шло.

Но тебе про это знать необязательно. Равно как и твоим читателям, что каким-то чудом купились на рекламную акцию этого ленивого ублюдка Эммануэля Тоула, в свою очередь, не стоит ничего знать про тебя, а то ведь пожалеют тратить денег.

Впрочем, на это и в самом деле никто не станет тратить денег, кроме твоих родственников и друзей... Еще ни один тираж от нашего имени, даже самый мелкий, не был распродан полностью. Мне, как сотруднику этой конторы, не следовало бы это говорить, но ты ведь уже немного знаешь, что я за человек.

Наверное, уже нет смысла уточнять, какого мнения я придерживаюсь о своей работе. Но кого мое мнение волновало? Это был вопрос выживания. Нигде больше с распростертыми объятиями меня не ждали, да и художником я, честно говоря, не был. Так, баловство в графическом редакторе в подростковом возрасте... Но меня с порога назвали художником, и спорить я не стал.

– О, Жаклин, доброе утро!

Дик оглянулся на выкрик Шона. Девушка мялась на пороге, пытаясь отбиться от насевших на нее коллег широкой улыбкой. Интересно, догадывались ли они, что издревле у приматов улыбка считалась средством бесконтактной самообороны?..

– Как дела?

– Ничего так. А у вас?

– О-о, а вот это ты зря, – покачал головой менеджер по маркетингу, кивнув на нахохлившегося Олдли. – Только дай ему повод рассказать эту историю еще раз...

– Да не собирался я ничего рассказывать, – огрызнулся Олдли и вымученно улыбнулся Жаклин, – все в порядке, дитя, просто очередная байка из спального района. Кофе не хочешь?

– Ох, нет, спасибо.

– Если захочешь, оно в пакетиках возле кулера, возьмешь...

– Хорошо...

– Гадость эти пакетики, – предупредил Шон, – если захочешь нормального кофе, пошли со мной на ланч, рядом отличная кофейня Палармскрин, я угощаю.

– Мне очень приятно, но у меня аллергия на кофе... на кофеин. – Лицо Жаклин пока что еще было любезно обращено к Шону, но носки туфель уже нетерпеливо смотрели в сторону кабинета Боба.

– Вот не повезло тебе... Но пить же что-то надо, – не унывал Шон, – там и чая вкусного можно выпить, и фруктовые коктейли делают...

– Ох, просто воду люблю. – Жаклин продолжила свой путь и, пока Шон не предложил чего еще, скрылась за дверь.

Прежде чем уйти в свою каморку, менеджер по продажам еще немного потолкался возле Олдли с Рупертом, критикуя судебную систему их штата. Ночка у редактора выдалась ужасной – какой-то чертов панк остановился на своем пикапе с орущей музыкой возле окон жилого дома, на первом этаже которого как раз жил Олдли и начал кричать, как проехать к какой-то там улице.

Сам Олдли, как и другие полдома, с беззвучными проклятиями замер у окна в ожидании, когда все закончится, но соседка Силинда высунулась наружу. Жильцы были поражены реакцией старухи. Все ее знали как склочницу, поднимающую скандал из-за любого шума, но каково же было удивление, когда она попросила этого смертельно пьяного панка подождать, пока уточняет на карте, как ему лучше проехать к необходимой улице.

Но все встало на свои места, когда вместо инструкции из окна полетел литр вскипевшей воды из чайника... прямо в лицо невежде. Криком он разбудил соседние улицы. Полиция и скорая так и не дали никому поспать, а Олдли допрашивали как одного из свидетелей до самого утра.

– Не, это конечно страшное дело, – все бормотал невыспавшийся Олдли коллегам. – Но а как еще с этими ублюдками бороться... Полиция не трогала ее, пока она отравляла всем жизнь, но стоило ей сделать нечто героическое, как... Эх...

- С него прям лицо слезло? - в который раз уточнил Руперт.

- Да темно там было, не разберешь... Парамедики окружили.

- Не мог бы, пожалуйста, воткнуть вилку от кулера? - Дик удивленно обернулся на негромкую просьбу Жаклин. - Вода горячая нужна.

Художник нагнулся под стол и удовлетворил просьбу девушки. По настоянию Боба всю электронику в отсутствие персонала необходимо было выключить из розетки, чтобы не произошло случайного возгорания. Доводы о предохранителях в сети его не понимали. Жаклин взяла стаканчик и начала разводить кофе.

- Боб попросил, - оправдалась девушка, заметив недоуменный взгляд Дика. Он усмехнулся и вернулся вниманием к работе. Закончив приготовления, Жаклин осторожно взяла кофе за краешки стаканчика.

- Ничего, если я не буду спрашивать, как у тебя дела?

Дик задал ей вопрос, не отрывая взгляда от экрана. Жаклин замялась, не сразу поняв вопрос.

- Ничего, если что, а... Да нет, мне все равно, можешь не спрашивать.

- Другим тоже все равно, но им это ведь не мешает тебя спрашивать. А тебе интересоваться в ответ.

Глянув на Дика, что со склоненной головой загадочно на нее смотрел, она поняла, что знакомства со странным коллегой не избежать. Поставив кофе на стол, чтобы не обжигал пальцы, она вопрошающе уставилась на него.

- Знаю, это выглядит странно, - он поднял ладони, будто на него направили револьвер, - что я не спрашиваю ни у кого, как дела... И не отвечаю, если интересуются моими, но э-эй... Разве не странно по-настоящему, что всем на самом деле плевать, что стоит за этим вопросом, но все продолжают изображать, будто это не так?

– Мне кажется, ты воспринимаешь все слишком буквально, – предположила Жаклин.

– Так и есть. Но как быть, если мне действительно захочется узнать, как твои дела? Как ты поймешь, что спрашиваю буквально?

– М-м, спросишь как-то по-другому?

– Чтобы меня сочли за маньяка?

Жаклин хохотнула.

– Почему же?

– Сейчас такие времена, – протянул Дик. – Искренность людей пугает. Если ты начинаешь говорить все, что в твоей голове, тебя называют умалишенным и напряженно ждут, когда в твоей руке возникнет колюще-режущий предмет.

– Воу, – не нашлась, что ответить девушка.

– Вот видишь, – удовлетворенно кивнул Дик, – я говорю, что думаю, и тебя это вводит в ступор. А как твои дела, как твое здоровье и прочая ложь, которую одобряет собеседник, наряду с замкнутостью в себе стали признаком адекватного человека, так что ли? Тебя это устраивает, Жаклин?

– Не сказала бы... – она мельком взглянула на офисные часы, – но мне бы, например, не понравилось, если бы на меня вываливали подробности из личной жизни. Да и никому другому бы не понравилось. Мне кажется, это немного неприлично...

– Но какой тогда смысл в вопросе, ответ на который сочтут неприличным?

– Да никакого, – воскликнула Жаклин, приковав к себе взгляд Олдли. – Как дела... Это что-то вроде рукопожатия. Только без прикосновений. Вот и все.

Дик смотрел на нее и будто пытался подавить смешок. Наконец, он закачал головой.

- Нет, не стоит мне, наверное, говорить...

- Давай уж, раз начал, - подбодрила Жаклин. Ее обычная смущенная улыбка сменилась требовательным, заинтересованным взглядом. Чутьочку агрессивным. Но Дику нравилось, что маска с ее настоящего лица чуть слезла.

- Не хочу показаться тебе совсем уж странным, но... для меня и рукопожатие такая же бессмыслица...

- Это точно, - вклинился Олдли. - Ни с кем никогда не здоровается и просит на него не обижаться.

- И что, вы много теряете?

- К твоему сведению, рукопожатие это своего рода жест уважения и признания, - сказал Олдли.

- Не буду скрывать, здесь я не ко всем одинаково отношусь, - признался Дик. - Но мне не хотелось бы выставлять свое отношение напоказ. Никто не останется в обиде, если не буду здороваться ни с кем...

Пока он говорил, Олдли дважды чихнул.

- Будьте здоровы, - откликнулась Жаклин.

- Благодарю, дитя, - утер нос Олдли. - А ты, Дик? Тебе даже здоровья мне жалко пожелать?

- Я лучше лекарств тебе куплю, не поскуплюсь, чем стану оскорблять пустыми пожеланиями.

Редактор махнул на него рукой и уткнулся обратно в текст. Жаклин взяла кофе.

- Я же вижу, как ты на него смотришь, - вполголоса заметил Дик.

Девушка вопросительно подняла брови.

- На кого?

- На кофе.

- И как я на него смотрю?

- Нравнодушно, - пояснил Дик. - Так что лучше просто откажи мне прямо, но прошу... Не ссылайся на аллергию на кофеин... Или на что еще? На заботу об эмали твоих зубов, а то они у тебя такие белые, что вдруг я еще и поверю...

Жаклин в смятении снова опустила кофе на стол.

- Отказать в чем? Ты разве что-то предлагал?

- Пока еще нет, - в конец смутился художник, - но вдруг-таки захочешь в обеденный перерыв посетить кофейню... конечно, я не лучшая компания, но если ты все же устала от наигранной болтовни и хочешь чего-то... настоящего...

- То обратиться к тебе?

Дик замедленно кивнул. Девушка какое-то время молча на него смотрела. В который раз подняв стаканчик с кофе, она отхлебнула.

Но только не в ту, которую предложил Шон, - с трудом расслышал девушку Олдли и тихо вздохнул. Дети.

Глава 2. Герой нашего времени

- Ты где?!

- Обернись, - ответили в трубку.

Дик помахал рукой. Он уже сидел за столиком, раскрашенным в бургер с кунжутом, возле огромного окна. Жаклин со вздохом спрятала телефон и устроилась напротив.

- Ты же знал, я в этом районе впервые. Не проще было прийти вместе? Если честно, я уже подумывала вернуться...

- Каюсь, - поджал губы Дик. - Хотел подыскать что-нибудь достойное заранее, не таская тебя...

- Бургерная достойнее кофейни? Пф-ф, - фыркнула Жаклин. - Тут я бы поспорила.

- А и не придется. Кроме Палармскрин в округе больше кофеен нет.

- Ты шутишь?

- Уметь бы еще. - Дик раскрыл меню, и карие глаза забегали по ценникам блюд. Дороговато, но не до той безумной степени, как в кофейне этажом выше. Однако та кофейня была скорее придатком ресторана Лайнер, чем самостоятельным заведением, так что некорректно было называть это шуткой или обманом. Всегда можно было сослаться на недопонимание.

И все же не поэтому Дик взялся за поиск в одиночку, чтобы в итоге встретить Жаклин уже здесь, сидя на табурете. Просто девушке пока не стоит заострять внимание на их разнице в росте...

- Ты так заморочился, будто у нас свидание, а не совместный ланч двух коллег...

- А в чем разница?

Жаклин явно не ожидала подобного вопроса.

- Хм... К свиданию готовятся, заморачиваются. А к ланчу нет.

- А что ты подразумеваешь под подготовкой?

- Да что угодно! В нашем случае, ты подготовил достойное, - она насмешливо обвела бургерную взглядом, - место.

- Точнее сказать, я подготовил достойную замену кофейне Палармскрин, которую так любит Шон, - поправил Дик. - По твоей просьбе. Если Боб возложит на тебя обязанность найти помещение для производственного совещания коллектива, могу ли я это назвать по итогу свиданием?

- Выкрутился, - покачала головой Жаклин и тоже принялась изучать меню.

- С чего вдруг? Я же не отрицал. Пусть будет свиданием, я не против. Мне один Уопп, пожалуйста, - заказал Дик у подошедшего официанта. - Без соуса. Да, точно уверен. Да, без него.

Жаклин попросила маленького Амму с овощами, так же без соуса, горчицы и прочих добавок.

- Будь они дешевле, Бобу в качестве цветных чернил сгодились бы, - пошутил Дик.

Но девушка не поделила его веселье.

- У меня сложилось впечатление, что тебе не очень-то нравится эта работа, - осторожно произнесла она, - я заметила это сразу, буквально с порога.

- Что еще заметила?

- Всякое, - не стала вдаваться в подробности Жаклин. - Почему ты тогда не подыщешь что-нибудь другое?

- Наверное, потому что другое мне нравится еще меньше, - промолвил Дик. Что ему действительно не нравилось, так это тема, которую она завела. С чего вдруг она ее завела? Не хочет ли тем самым намекнуть, что он уже начал мозолить ей глаза?

– Тяжело тебе, должно быть, – вздохнула Жаклин. – Работа должна приносить радость, иначе надолго тебя не хватит.

– Работа должна приносить деньги, и это уже само по себе радость, – возразил Дик. – Ты разве не видишь, что происходит? Безработица, массовые сокращения, предприятия банкротятся. Издательства закрывают одно за другим, а наше еще плывет просто потому что рассчитано на... – Дик чуть не сказал «идиотов», но спохватился, заметив, как девушке не по душе этот разговор.

– И деньги в том числе, это само собой. Значит, ты просто еще не нашел свое.

Дик негромко посмеялся.

– И что, предлагаешь мне уволиться уже сегодня?

Спросил он неожиданно серьезно и вкрадчиво, впившись своими глазами в ее. Жаклин чуть не поперхнулась бургером.

– Нет, я имею в виду, ты не должен отчаиваться. У тебя очень пессимистичный настрой на все. То, что ты перечислил, да, это так, но кроме этого ты отказываешься видеть что-либо хорошее. Взгляни на все иначе. Может, даже и не придется увольняться.

Дик потер лицо, скрывая ухмылку.

– Ох, Жаклин, Жаклин... Ты же недавно окончила школу экономики? Выпускница, да?

– Похоже на то, – мило сгримасничала она.

– И что, хочешь сказать, твоя должность приносит тебе радость?

– Да, я люблю цифры.

– А они тебя любят?

Девушка нахмурилась.

- Что ты имеешь в виду?

- Ты выпускник с отличием?

- Нет.

- Я к тому, что еще полмесяца назад Боб сократил твоего предшественника, объяснив тем, что не может себе его позволить, да и обязанности его может выполнять сам. А Ирвин был старожилом и функционировал безукоризненно.

- И к чему ты ведешь?

- Даже если допустить, что Боб все же не потянул эту дополнительную обязанность и потому решил восстановить должность, то почему он не взял обратно Ирвина, опытного и уже притершегося к нам? Почему отдал предпочтение выпускнице без опыта?

- Думаешь, я этого не понимаю?

- Ну если видела хоть раз себя в зеркало, то да, вероятно, понимаешь, - немного смутился Дик. - Но не все же выглядят, как ты. Далеко не каждого берут туда, куда он хочет.

- И ты один из этих бедолаг? - усмехнулась Жаклин. - Тебе ли не знать, что на твое место метят другие, не в обиду тебе, не менее талантливые художники?

«Чтобы стать художником в конторе Боба, мне понадобилась ложь, а не талант», - весело подумал Дик, вспомнив, какого труда ему стоило в сжатые сроки осваивать все прелести современного графического дизайна.

- Мне повезло, да. Но везение работает не без осечек... В отличие от красоты.

- Просто признай, - потеряла терпение Жаклин. - Ты попал, куда хотел. Так же, как и я. Так к чему все эти рассуждения про красоту?

Дик не нашелся, что ответить, его внимание отвлекал очень толстый мужчина в футболке, шортах, кепке и... длинном цветном галстуке. Он стоял напротив терминала для автоматических заказов в двух шагах от них и листал своим жирным пальцем меню. Дик не сомневался, что толстяку не до них, и все же он всегда нервничал и начинал слышать свой голос как бы со стороны, если кто-то шел или стоял рядом с ним и его собеседником.

- Так к чему?

- К тому, что тебе... тяжело живется с ней, должно быть.

- С чего это вдруг? - удивилась Жаклин.

- Все смотрят только на твое лицо, а не на то, что ты говоришь, разве это не тяжело?

- Это ты за всех решил? - улыбнулась девушка.

- А что, я не прав?

Она пожала плечами.

- В обоих случаях смотрят, а это главное. А ради чего именно уже не так важно.

- Тебе все равно? - не сдержал возмущения Дик. - Заглядывают тебе в рот, притворяясь, что слушают, а на самом деле, чтобы пофантазировать... или чтобы не пропустить слова, которые из него звучат?

- Грубовато, - произнесла девушка, отложив недоеденный кусочек бургера, - но даже если так... Какая разница, если внимание будет при любом раскладе?

- Как какая разница? Это же притворство.

- А оно мне вредит? - усомнилась она. - Завладеть вниманием человека - разве не это залог социального взаимодействия?

- Завладеть искренним вниманием.

- Оно в любом случае искреннее.

- Но не повод, которым его объясняют!

- Мне все равно, - маска слезла с лица Жаклин еще больше, обнажив какую-то совершенно неожиданную и неприятную Дику натуру. - Если я заинтересована во внимании конкретного человека, мне неважно, по какому поводу его получу. Мне важен результат.

- Какой результат? Ты так говоришь, будто люди для тебя лишь средства для достижения цели...

- Ты драматизируешь.

- Нет, - Дик засмеялся. - Постой, Жаклин, нет. Я не думаю, что ты такая. Я же вижу, что ты всего лишь хочешь такой казаться, но зачем?

Жаклин медленно подняла брови.

- Зачем мне кем-то казаться? Ты же сам предложил чего-то настоящего, пригласив меня сюда. Чего тебя так удивляет?

- Вот именно это и удивляет. Какая же у тебя тогда могла быть цель, чтобы завладеть вниманием... такого, как я?

- Да не было никакой цели. Ты сам же со мной заговорил.

- Да. Но ведь и Шон тоже с тобой заговорил.

Жаклин вздохнула.

- Может, сменим тему?

- Почему? Ответь.

- Я не хочу, - напряглась девушка.

- Почему? - Дик подался вперед, впиваясь в нее взглядом. - Ответь.

- Слушай, - она пару раз коснулась губ салфеткой и засобиралась, - извини, мне пора идти.

Дик еле сдержался, чтобы не схватить ее за руку. Шона она к себе не подпустила, но Дику сделала исключение. Дала проявить к ней внимание. И раз она утверждает, что делает это только с какой-то целью, то что ей нужно было от него? Почему она уходит от ответа...

- Прости, я не хотел загонять тебя в тупик, это бестактно с моей стороны, вынуждать тебя признаться...

- В чем признаться?

- Ты и сама знаешь. Но если я скажу вслух, ты, как и любая порядочная девушка, будешь отрицать.

- О чем ты вообще? - спросила девушка, но в ответе она явно не нуждалась. Золотистые волосы уже подсказывали с каждым шагом на ее удаляющейся спине.

- Да-да, о чем это я... Жаклин, я все понимаю... - повысил голос Дик ей вдогонку. - Но ты ведь уже знаешь, как я не люблю все эти притворства, но признаю, это моя вина, я не должен был об этом спрашивать прямо...

Дверь в бургерную за ней захлопнулась, но тут же открылась снова, зашли другие, гогочущие люди. За ними еще. Дик сходил с ума, сжимая виски ладонями. Жаклин хотела его, а он все испортил, подначивая ее признаться в этом вслух. Это удар по ее достоинству, но почему? Что в этом такого? Дик ненавидел эти игры.

А может, он просто возмнил о себе? Он же видел, что она зачем-то хочет казаться беспринципной, хладнокровной, пользующейся чужим вниманием как средством достижения цели. Какую еще цель она могла преследовать, общаясь

с ним, ведь с него нечего брать, кроме... Нет, нет, она не может быть такой... легкой доступной. Эта маска, очередная маска, специально для него...

Этой маской она хотела его проверить? Узнать, начнет ли он цепляться за эту возможность, полезет ли к ней сразу, почувствовав легкую добычу?

Нет! Она просто говорила, что думала и не ожидала, что Дика понесет куда-то не в ту степь. Что же он наделал... Она всего лишь пошла с коллегой на ланч, а он возомнил невесту что...

Но почему же она ушла от ответа, когда он прямо спросил, почему Шон остался в пролете, в отличие от него? Почему?

– В корне неверный способ выяснять правду, – пробормотал толстяк, водя пальцем по терминалу. – На что ты вообще надеялся, сидя напротив нее и спрашивая мнение о себе?

Дик не поверил своим ушам.

– Тебя это вообще касается? Какого черта ты подслушивал наш разговор? Заняться нечем?

Толстяк, все еще не отрывая глаз от терминала, хохотнул, отчего его складки на боках неживописно сотряслись.

– А разве подслушивают только когда нечем заняться? Это явно плохая новость для ЦРУ.

– Тебе что нужно?

– Простите, – толстяк окликнул проходящего мимо официанта. – Тут возникла проблема.

– Да? – остановился официант.

– Я заказал два больших Аммы с сыром и ветчиной, – объяснил толстяк, указывая на подвисший терминал, – заплатил двадцатку, и отсюда вылез чек с номером

заказа на этот стол, – он указал на место, где сидел Дик. – Но тут меня снова выбросило в окно заказа, и автомат опять начал требовать денег...

– Можно чек? – нахмурился официант. Толстяк с готовностью протянул его, и сотрудник бургерной ушел разбираться на кассу.

– Я не видел, чтобы ты совал в терминал двадцатку, – тихо произнес Дик.

Толстяк сыграл лицом картинное недоумение, как в глупых черно-белых комедиях из пятидесятих годов и уселся рядом.

– Так значит, и ты за мной подглядывал? Тогда с меня бургер.

Дик все еще смотрел на него зло и недоверчиво.

– Чего тебе нужно? – повторил он.

– Правда. Как и тебе.

– Какая правда?

– Та, что в голове у этой твоей Жаклин.

Обычно Дик всегда умудрялся дать ответ на любую наглость в свою сторону, но здесь он попросту потерял дар речи.

– Что у нее в... что?.. Тебе чего нужно, мужик? Какое твое дело?

– Конечно, на одной правде далеко не уедешь, но я уже давно подумывал сесть на диету и вот...

– Пошел ты, – выдавил Дик и встал из-за стола.

– Она никогда не скажет тебе правду, – быстро сказал ему толстяк, – а если и скажет, как ты это поймешь?

Дик помедлил уходить, его глаза впились в жирное лицо. То уже не улыбалось, а глаза на нем, неожиданно синие, как экран смерти в операционной системе Windows, смотрели выжидающе. Губы Дика еле шевельнулись.

- Никак.

- Пока не отвернешься... - кивнул толстяк, - и не включишь прослушку.

Дик, стараясь не быть демонстративным, осмотрелся. Никому не было до них дела. Вроде. Еще пять минут назад он так же думал и про толстяка.

- Шпионские устройства запрещены законом, о чем ты вообще говоришь? - процедил Дик, возвращаясь на табурет.

- Да, их не приобретешь, разве что на черном рынке, - закивал толстяк. - Да и таскать их с собой замучаешься. Но на самом деле, не поэтому они запрещены. Все дело в том, что устройств, имеющих скрытую функцию прослушивания, сейчас настолько много и они настолько повсеместны, что покупать отдельный, специально предназначенный для этого прибор смысла никакого нет.

- Повсеместны? О каких устройствах речь? Откуда ты это знаешь?

- Телефоны, компьютеры, маршрутизаторы, - жирные, как сосиски в тесте, пальцы загибались, - электронная бижутерия, автомобили, телевизоры, домофоны, тостеры...

- Тостеры? - неверяще воскликнул Дик. - Ты несешь точь-в-точь ту же чушь, что и мой отец, он все уши этим прожужжал, что правительство следит за нами, поэтому надо быть примерным мальчиком, даже если заперся в ванной... Так себе, конечно, метод воспитания, благо я ему не верил... Тостер... Да это же абсурд!

Толстяк хохотнул с закрытым ртом и повернулся на подоспевшего официанта.

- Простите за предоставленные неудобства. В сети не отобразился ваш заказ, поэтому мы не могли знать, что вы ждете. Технические работы уже ведутся и мы обещаем, что подобного больше не произойдет. Вот ваш заказ, два больших

Аммы с сыром и ветчиной, – он опустил между Диком и толстяком поднос с сочными, слегка дымящимися бургерами.

У Дика свело желудок, несмотря на то, что он только что перекусил. Уопп был способен усидеть в бургерной, практически не потратив денег, и, конечно же, он не пах настолько одурительно, как большой Амма. Толстяк ухмылялся.

– Так и что? Это правда? Тотальная слежка за всеми? Тотальное лицемерие – вот что это. Власти нарушают закон, который сами же и написали.

– Ну никто не запрещает пользоваться этими устройствами, не так ли? Просто нигде не уточняют, как именно. Это защита от дураков, которые разве что додумаются подложить диктофон в сумку. Те, кто соображают, могут подслушать кого угодно и через что угодно, не нарушая ни одного пункта конституции...

– Откуда тебе это все известно?

Жирные губы растеклись в широкой улыбке.

– Ты не этот вопрос хотел задать.

Дик откусил с добрую половину бургера за раз и покачал головой от удовольствия. Хотел бы и он владеть такими приемчиками...

– Зачем тебе это?

– Опять не тот вопрос, – отмахнулся он. – К чему тебе знать зачем? Приличия ради? Брось. Ты хочешь подсмотреть правду, вот что. А я тот, кто достанет тебе билеты на задний ряд.

– Ты извращенец?

– Нет, я герой. Ну а чего? Не такой, конечно, как в комиксах, но я тоже ратую за добро. Да-да, ты скажешь, граница между преступным и добродетелью уже давно размылась, и не разберешь, кого надо бороться. Но вот лицемерие. Его терпеть я не намерен.

Дик уплетал бургер молча, исподлобья рассматривая этого героя. Его нелепый цветной галстук так и привлекал внимание, топорщась на упирающемся в стол пузе.

- И как ты мне достанешь... билет?

- Для начала найдем подходящий кинозал. Где она сейчас?

- Вернулась на работу... в кабинет Боба.

- И что ты хочешь выяснить?

- Она дала мне понять, что готова на все для достижения целей... Она так молода и красива, амбициозна... Я не знаю, честно, не знаю и не хочу знать, зачем Бобу понадобился новый бухгалтер, ведь он недавно упразднил эту должность. Но она попросту не может, нет... - выдохнул Дик. - Она могла бы пойти в модели или в эскорт, или в актрисы, там бы она добилась большего, будь она действительно такой... легкодоступной. Я думаю, она меня просто проверяла.

- Думаешь?

- Допускаю, - болезненно поморщился Дик.

- Да в ее мотивах копать еще сложнее, чем в кабелях в засраной коммутационной панели, - невесело присвистнул толстяк.

- Так что имеет смысл подсмотреть, как она ведет себя наедине с другими.

- Давай свой телефон.

- Зачем? - напрягся Дик. - Своего что ли нет?

- Кажется, я уже дал понять, насколько легко следить за человеком в наше время, - промолвил толстяк, - может, меня и легко заметить в толпе, но в сети меня не должно существовать. Так что да, телефона своего у меня нет.

Дик неохотно протянул ему телефон, не разблокировав экран. Впрочем, он сильно сомневался, что толстяка это сможет остановить. И оказался прав.

– Можешь разблокировать? – попросил толстяк. – Мне лень взламывать, только время зря потратим.

– Ну, ничего, в следующий раз, надеюсь, у тебя его будет предостаточно, чтобы показать, как это делать, – Дик исполнил его просьбу.

– Адрес? Где работаете? – толстяк зашел в карты.

– 1147, Редман-авеню, Большой дом Куэй.

– А какой там у вас провайдер?

– Веризон, кажется, – неуверенно ответил Дик.

Толстяк поднес телефон к уху.

– Добрый день, вас беспокоит компания Веризон, – торжественно и с расстановкой провозгласил он, – звонок автоматический. Мы проводим оценку качества предоставляемых нами сетей с целью удовлетворить ваши запросы. Если вас устраивает скорость нашего тарифа, нажмите три, ноль, три, семь... Если бы вы хотели, чтобы скорость нашего тарифа стала выше, нажмите звездочку, семь, один, один, девяносто три, два, решетку...

Толстяк замер, вслушиваясь, набирает ли Боб названные им цифры. Довольно улыбнувшись, он быстро что-то нажал сам.

– Спасибо! Мы учтем ваше желание. Примите участие в опросе из десяти пунктов, чтобы повысить качество наших услуг. Если хотите прервать опрос, нажмите кнопку вызова для выполнения запроса на отключение от автоматического звонка, если же вы хотите продолжить, то наж...

В динамике раздался длинный гудок. Толстяк самодовольно отнял телефон от уха, ввел в нем какую-то команду и протянул обратно его хозяину.

– Слушай.

Дик заворожено поднес его к щеке. Ничего не было слышно, но, кажется, он разобрал пощелкивание клавиш.

– Повысят они скорость, как же, – донесся недовольный голос Боба. Жаклин, если она была там, ничего не ответила.

– Как это возможно? – пролепетал Дик.

– Удаленное управление абонентом. Ну и пара моих фирменных штук, конечно. Его телефон не отключится, пока ты не завершишь вызов на своем, и ты также можешь переадресовываться на другие стационарные телефоны в вашем офисе.

– Жаклин, не могла бы проверить, вагон не подъехал? – слышался голос Боба из трубки. Вагоном он называл грузовую машину, что развозила их тиражи по магазинам. – Нет, он может встать прямо у фасада, ты загляни вниз... Не бойся, не выпадешь же, ха-ха...

Дик вспомнил, какие широкие подоконники в кабинете их директора. Жаклин сейчас в своей обтягивающей бедра юбке завалилась на этот подоконник животом, чтобы высунуться в окно и посмотреть, не подъехал ли вагон. Дик расслышал скрип директорского кресла. Боб наверняка аж привстал, чтобы не пропустить зрелища.

– Нету его? Уже должен был подъехать, – негодовал он.

Какое-то время снова ничего не происходило. Клавиши пощелкивали, Боб потягивал кофе. Толстяк доедал своего Амму с отсутствующим видом.

– Жаклин, ты не могла бы кое-что сделать? – вдруг снова раздался голос Боба. Дик вжал трубку в ухо сильнее.

– Там, видимо, с цоколем какие-то проблемы, лампочка так жужжит, – объяснял он что-то на звук подошедших каблучков. – Попробуешь повернуть ее в цоколь поглубже? Если не перестанет, тогда электрика придется звать...

- И что мне нужно сделать? - не поняла Жаклин.

- Да ничего особенного, просто повернуть лампочку по часовой, встань на мой стол, ты дотянешься...

Девушка какое-то время молчала.

- Может, все-таки лучше электрика сразу? А то я что-нибудь еще испорчу...

- Да ничего не испортишь, не волнуйся...

- Я не хочу пачкать ваш стол, простите.

- Сними туфельки, ничего страшного...

- Нет.

- Жаклин, - голос Боба понизился до глубоких грудных нот, - может, если я тебе включу надбавку за исполнение обязанностей электрика, ты пересмотришь свое решение?

- Нет, мистер Куэй, - холодно отозвалась Жаклин, - я не уверена, что в достаточной мере квалифицирована по этому вопросу.

Стук каблучков оповестил, что она вернулась за свой рабочий стол. Дик отнял слегка дрожащую руку от уха и завершил вызов.

- Не думал, что Боб настолько омерзителен, - пробормотал он толстяку. - С виду всегда такой обходительный и позитивный. Терпеть не могу все эти маски.

- Удалось выяснить что-нибудь важное?

- Да, мы выяснили главное, - облегченно выдохнул Дик. - Жаклин вовсе не такая проститутка, какой хотела мне показаться. Я был прав, она меня проверяла.

Толстяк протянул ему жирную пятерню. Дик с удовольствием хлопнул по ней ладонью.

- Как тебя звать?

- Чип.

Глава 3. Пицца из кетчупа и двух яиц

- Чем думаешь заняться вечером?

- Есть предложения? – оживился Чип. Они стояли у входа в бургерную и сытно вытирали рты от крошек.

- А если даже и нет их? Тогда чем займешься?

- Тебе в самом деле интересно?

- По-твоему, я лицемер?

Чип хохотнул, удерживая свое пузо в ладонях.

- Я думал, мы еще не закончили с Жаклин.

- Хочешь продолжить мне в этом помогать? – с трудом скрыл радость Дик. – А как же твои дела?

- Неужели они тебя так волнуют?

– Не особо, – честно сказал Дик. – Но я должен быть уверен, что не злоупотребляю чужим временем... Вдруг у тебя какие-то свои дела есть и...

– ...И стал бы я тогда о них молчать? Твои дела – теперь и мои дела... По-крайней мере, до тех пор, пока мы изобличаем ложь, грязь, мерзость и разврат...

– Где живешь?

– Где придется, – безмятежно отозвался толстяк, сняв с головы кепку. Под ней скрывались рыжие слежавшиеся вихры.

– Крыши своей над головой нет? – понимающе спросил Дик, глядя, как тот с наслаждением скребет ногтями шевелюру. Чип нахлобучил кепку снова.

– Как это нет? – толстяк щелкнул ногтем по козырьку. – А это что, по-твоему?

Дик грустно усмехнулся. Этот Чип явно из крепких ребят, раз ему хватало духу с иронией подходить к тому, что он бездомен. Дик сам был из таких.

Из дома ему пришлось уйти лет в девятнадцать. Его буквально выдавило из дверей под напором Питера, его отца, и его противоречивых бредней, которых Дик следовало придерживаться, пока живет на его территории и скотского обращения, терпеть которое становилось с каждым годом все труднее. В какой-то момент это стало вопросом выживания его достоинства. Он собрал пожитки, которые осмелился назвать своими, – а это было непросто сделать в доме, в котором, по словам отца, не было ни одной вещи, которую бы Дик заслужил, – и слинял.

Что же касается матери, Долорес, то, конечно, она сопротивлялась. Здравому смыслу. С некоторыми сомнениями она все же всегда и во всем была на стороне отца, впрочем, она не оставляла надежд, что всё изменится. Но когда Дик пытался выяснить, что же именно должно, по ее мнению, измениться, в ответ летели только оскорбления. Тезисы, как их называл Дик, в надежде услышать основания, но их никогда не было. Или они звучали, но только в виде других напастей.

Лишь к девятнадцати годам Дику хватило ума понять, что основанием был сам факт его существования бок о бок с ними. Они не могли в этом признаться ни ему, ни себе, поэтому объясняли все его проступками. Надо ли говорить, что правила, которые он преступал, взаимоисключались?

Дик, ты уже достаточно взрослый, почему мы должны тебя кормить? Уже здоровый лоб, а все сидишь на нашей шее. Покупай еду себе сам.

На еду денег он, видите ли, заработал, а сахар можно и у нас потихоньку отсыпать? Как же ты жалок, Дик. Как ты будешь жить с людьми, тебя ведь ни одна девушка не потерпит...

Покупаешь теперь все только для себя, складываешь в свой жалкий уголок в холодильнике, а о других не думаешь, Дик? Может, тогда купишь себе собственный холодильник? Господи, кого же мы воспитали...

Зачем ты это купил, Дик? Нам? Нет, не нужны нам твои подачки. Жри это сам, не обляпайся.

Обляпал? Как это не ты, а кто еще это мог быть? Нет, это не Леон, он не бывает на кухне! Только ты всё всегда портишь! Ты хоть что-нибудь здесь сделал сам, чтобы с чужим так обращаться? Как же ты надоел!

И так было во всем. Дик честно пытался не давать своими действиями повода для скандала, даже не догадываясь, что он и есть повод.

Во всяком случае с момента, как он начал кочевать с койки на койку у кого придется вплоть до того, пока не научился снимать жилье сам, его отношения с семьей стали если не сердечными, то по крайней мере теплее, чем раньше. Мать по телефону грезилась о заботе, которую не желала проявлять при встрече, а отец просто молчал – его рот неприязненно сжался и больше не извергал ругательств и унижений. А это уже само по себе было достижение.

– Можешь пожить у меня, если хочешь.

Чип задумчиво потербил свой галстук.

– Я точно много места не займу?

– Там пусто. Одни стены, – заверил Дик, с раздражением вспомнив хозяев квартирки, которую арендовал. Те скупались растрачиваться на интерьер, предложив Дику самому докупать мебель, если его что-то не устраивает.

– Ну что ж, тогда с меня жрачка... – гоготнул толстяк, перебросив галстук через плечо. – Где тебя подождать?

– В смысле?

– У тебя же еще рабочий день до семи длится.

– Откуда ты... А-а, в картах прочел? Думаю, справятся и без меня. Свою работу на сегодня, можно сказать, закончил...

– Не хочешь показываться на глаза Жаклин? – Синие глаза Чипа пронцательно сузились.

Дик ответил ему раздраженной гримасой.

– Зачем тебе этот галстук?

Чип заботливо провел по нему ладонью.

– Я его называю планом Б.

Съемная квартира Дика располагалась в довольно грязном неблагополучном райончике, кишущим семьями мигрантов. На углах возле заборов, в опущенных на глаза капюшонах, скучали как будто бы без дела чернокожие ребята. Тонкие стены панельных домов то и дело пробивал грубый мужской гогот, а иногда и крики, от которых не удавалось почувствовать себя в безопасности даже сидя в четырех стенах. Дик не стал бы приглашать к себе в гости Жаклин, даже если бы та на этом настаивала.

Не успел он открыть дверь в квартиру, как Чип, словно пес с прогулки, ворвался внутрь и стал бегать, осматривать и щупать гардины над окнами, люстру в

гостиной и даже багетку для штор в ванной.

- Тут крепкие винты? - спросил он у Дика, слегка подергивая люстру.

- Не задавался этим вопросом. А зачем они тебе сдались?

Чип задернул занавески.

- Для моего плана Б.

- Поясни, - не понял Дик, хотя его уже охватила неприятная догадка.

- Этот галстук, - объяснил толстяк, - на случай, если мне придется срочно удавиться, прежде чем они загонят меня в угол.

- А за что тебя ищут? - Дик ужаснулся и в то же время едва сдержал улыбку. Толстяку вряд ли удастся реализовать задуманное, насколько крепкими бы винты не казались.

- Ну явно не за испорченный терминал в бургерной...

- А за что?

- Не вынуждай меня становиться тем, с чем я борюсь, - натянуто хохотнул Чип, упав в единственное на всю квартиру кресло. То всхлипнуло, но выдержало. - Я не хочу лгать. Но и правду говорить тоже.

- Что ж, ты хотя бы признался в правде, что не хочешь говорить правду, - мрачно резюмировал Дик. Он вдруг вспомнил, что толстяк в самом начале их знакомства что-то говорил про ЦРУ. Возможно, он там работал, раз так много знает про слежку за людьми. Предал огласке какой-нибудь государственный секрет, дезертировал, и теперь его ищут. - Надеюсь, мне не придется вешаться вслед за тобой, если они... Кто там за тобой бежит?.. сюда нагрянут.

- Не придется, - обнадежил Чип. - Компьютер есть?

– Нет.

– Уф-ф... Давай телефон.

Чуть поколебавшись, Дик протянул свой потрепанный смартфон. Чип выхватил его и тут же зашел в карты.

– Что ищешь? – заглянул через плечо Дик.

– Ближайшую фирму по ремонту компьютерной техники, – отозвался толстяк. Его жирные пальцы двигались по экрану быстро. Вот он на сайте Респаун-Тек, улыбающийся атлет с системным блоком на плече им подмигивал, но палец Чипа дернулся к авторизации... Вот он уже в HTML сайта, что-то ищет... А теперь уже что-то копирует, затем куда-то вставляет. И снова, и снова... Чего-то ждет... Палец нетерпеливо листал какой-то реестр...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/no_andrey/licemery

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)